

ВОЛОГОДСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

№ 35.

Суббота, Августа 15 дня, 1859 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Кумъ. (*Народное повѣрье*). Евгения Писарева.
- II. Жители Яренского уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ. В. Абрамова.
- III. Кожаевское озеро. В. П.
- IV. Частныя объявленія.
- V. О прѣхавшихъ и выѣхавшихъ.

I.

КУМЪ.

(НАРОДНОЕ ПОВѢРЬЕ.)

Скучна бываетъ, порой, дорога одинокому путнику: самая красоты окружающей природы не въ состоянии разсѣять тогда лушевной его пустоты и чрезвычайно бываешь радъ, если, при такомъ настроеніи духа, встрѣтишь попутчика, съ которымъ можно обмѣняться хотя пѣсколькими словами. Такое состояніе испытывалъ я, пробираясь разъ въ одну деревню, какъ говорится, по образу пѣшаго хожденія. Дорога виляла по прекрасному сухому бору; ночь чернымъ нокровомъ легла на землю; въ воздухѣ была такая тишина, что ни что не шелохнулось. Полной грудью вдыхалъ я чистый воздухъ, пропитанный смолистымъ

сосновымъ запахомъ. Чего бы, кажется, лучше подобной обстановки! а, нѣтъ, мнѣ хотѣлось еще встрѣтить живое разумное существо, и судьба послала его въ крестьянинъ, запоздавшемъ въ городѣ и спѣшившемъ домой въ одну со мной сторону. Слово-за-слово-мы разговорились; тороватый мужикъ закидаль меня рассказами о томъ, о другомъ, о сельской жизни, работахъ и наконецъ добрался до общаго всѣмъ простолюдинамъ мотива, до продѣлокъ духовъ, играющихъ столь важную роль въ простонародныхъ вѣровашахъ, и между прочимъ передалъ мнѣ случай, о которомъ я и хочу разсказать теперь читателямъ. Правда, подобные вещи можно услышать и въ Шенкурскѣ, и въ Кромахъ, словомъ во всѣхъ уголкахъ матушки Россіи, и съ самыми ничтожными варіантами, но тѣмъ не менѣе разсказать этотъ можетъ быть и замѣтъ кого нибудь.

Сначала, когда я стал было уверять своего дорожного спутника, въ несуществований на свѣтѣ ни вѣдьмъ, ни лѣшихъ, ни водяныхъ; —такъ онъ—куда тебѣ! знать ничего нехочеть, несетъ себѣ одно и то-же; есть, говорить, и черти, и лѣшие, и домовые, короче сказать, несомнѣнно вѣриль во весь міръ тѣхъ темныхъ духовъ, которыми предки наши, въ эпоху религиозныхъ австроиморфическихъ убѣждений, часелили вселенію и въ доказательство истиности словъ своихъ предложилъ мнѣ разскажать пропѣлку лѣшаго или черта съ одињъ его знакомыемъ. На сомнѣніе мое относительно правдивости этого послѣдняго, страдательного въ происшествіи лица, возразилъ, что это ни кто другой, какъ кумъ его Трофимъ, мужикъ такого характера, что для него смысли небылицу и выдать ее за правду, страшный грѣхъ, и что за такой фальшъ, онъ не возметъ и тысячи рублей, и какъ бы для большаго убѣжденія моего добавилъ: «онъ и живеть въ Харитоновкѣ, какъ пдти въ нее съ большой дороги, такъ изба его первая съ края;» и за тѣмъ, удовольствовавшись, по видимому, силою такого аргумента, началъ:

«Какъ-то, по осени,» здѣсь, кетати, прошу читателя замѣтить, что я передаю разскажъ моего спутника въ такомъ именно видѣ, въ какомъ слышалъ его, стараясь выдержать и языкъ и выраженія рассказчика; «какъ-то, по осени, Ѣздили я въ городъ, по своимъ дѣлишкамъ; исправился тамъ—купилъ, что было надо, да и поѣхалъ домой. Коли и выѣхалъ за городъ, на спольѣ,—солнчишко ужъ закатилось. Долго я Ѣхалъ одинъ себѣ одишененекъ, ни меня ни кто не настигалъ, ни я никого не опережалъ. Кругомъ былъ такой пустырь, что хоть бы те лачужка была гдѣ на дорогѣ. Правда изъ—за лѣсочка чернѣлись крыши домовъ; да далеко. Мнѣ стало што-то тоскливо, я давай погонять свою лошаденку, думаю, кого ни-на-есть да настигну-же. Вдругъ, слышу колокольчикъ. Я поѣхалъ круче, а колокольчикъ все ближе и ближе. Ну, слава Богу, понутчикъ!

Вотъ подѣзжаю—тельга запряжена тройкой. Лошади идутъ себѣ шажкомъ; а въ тельгѣ ни кѣмъ ии кого невидно—ни ямщика, ни сѣдока.—«Марь дорогой!», молвилъ я, премѣрио для того, чтобы узнать; не лежитъ-ли кто въ неї; опо такъ и есть, и не ошибся. Услышавъ мой голосъ, кто-то лѣниво подпялъ голову изъ тельги и сказалъ съ просонокъ:—Поди, здорово живешь!.. Кто тамъ?

—Кой чортъ, подумалъ я, да это ии какъ Трофимъ?.. Эта ты, Трофимша? окликнулъ я. Здорово! Куды, братъ, Ѣздили?

—А, кумъ Памфило? А я тебя и не узналъ.

—Пожалуй, кумъ, немудрено и не узнать; вишъ, какая темнѣть, да ты къ тому, кажись, и вздрѣнуль.

—А у тебя порадочной вѣзъ. Поди вѣдь въ городъ Ѣздицъ за товарами?.. Стуй-ка садись ко мнѣ на тельгу, такъ памъ лучше толковать—то будетъ..

— Я пересѣль къ нему,—и пошли у пасъ тары, да бары; иу, словно бабы какія, всю подноготную прошли; да тоже заговорили и о томъ, што съ тобой-то мы о чёмъ говорили.—Да слушай, сказалъ Трофимъ, я тебѣ разскажу, какая у пасъ была диковинка.

—У васъ?

—У пасъ. Да и то коли ты думаёшь?

—А коли?

—Да вѣдь самое пыпышное яровое житие.

—Какъ это такъ? неужли?

—Ну вотъ! стану я тебя обманывать! да и какая мнѣ прибыль отъ этова? вѣдь, кажись, съ тебя я еще денегъ не взялъ... Да какая, братъ, и дико-

вилка-та была! Хорошо, что баба у меня бойкая; а оно и не такъ бы, пожалуй, пришлось ловко, кабы не она.

—Да што же такое было?

—Да вотъ видишь: ты знаешь наши перечии, что концами утыкаются въ самую рѣку?

Какъ не знать полость кума! Да я все ровно, что свои знаю. Ну ужъ и мѣсто тутъ, прости Господи, такое, что только чертамъ и жить. Этта, нешто—таки, полосы съ хлѣбомъ, а тутъ рѣка; вода въ ней, что тебѣ дѣготь,—черная, пречорная! А тамъ—за рѣкой страшимой, престрашимой лѣсъ—къ небу вѣтается. Коли поднимется погода,—ну ужъ ты бы послушалъ,—такой пойдеть вѣй, шумъ по всему лѣсу, што Боже упаси! словно черти собираются тутъ со всево свѣту бѣлова, да и боятся въ кулачкахи... Ну, такъ вотъ и говорить мнѣ Трофимъ.

—На этихъ-то самыхъ перечияхъ только всево-на-всѣ и оставалось у меня жнитва. Овѣсть былъ знатной, ви коли еще такой не росталь на этомъ мѣстѣ. Ну такъ вотъ и говорить мнѣ баба моя, пойдѣмъ, говорить завтра, Трофимъ, жать на перечии на весь день, чѣмъ по два дни таскаться въ этакую даль, версты за двѣ безмалова. Я завтра пораньше обряжусь; ты унесешь тула зыбку да Федюшку, а я захвачу обѣдъ и паужну.

—Ладно, говорю, баба. Кончимъ эту работу, такъ она и съ рукъ долой.

На другой день, только—только что немножко прообдуло росу, я взялъ парни и зыбку, а баба—пестерку съ пирогами и все что надо, да и пошли

дожинать овѣсть на перечияхъ. Работа шла бойко; день былъ хороший—не то чтобы жаркой, да и не холодной; а што-бы парень не плакалъ и не мѣшалъ намъ работать, я, какъ это и прежде было, поставилъ на полость козлы, привязалъ къ пимъ кущачонкомъ очапъ,—такъ онъ на немъ и покачивался у меня въ зыбкѣ. Вотъ мы работаемъ, работаемъ,—и у насъ, слава Богу, и дожинать оставалось не-много,—этакъ всево-на-все снона два-три; а солнышко ужъ спустилось, правда, низенько.

—Трофимъ, говорить жена, ты это дожнешь и одинъ; а мнѣ давно пора идти за коровами. Поди, Христосъ съ ними, не прибредутъ сами. Да смотри, какъ пойдешь домой, такъ не забудь захватить парня-то...

—Ну, пошла ты, прости Господи! вскричалъ я сердито; будто-молъ не знаю я этова и безъ тебя!

Баба ушла. Я себѣ думаю, скоро и я управляюсь съ работой, да и къ дому; авъ не тутъ-то было. У одново-то, братъ, работа пошла мешкотно. Одинъ, такъ ужъ одинъ, одно слово одинъ. Покамѣсть дожиналь, да ставилъ овѣсть въ груды, а солнышко-то ужъ давнымъ—давно закатилось, такъ што и мѣсяцъ сталъ подыматься изъ-за лѣсу и свѣтить страшнымъ заревомъ на темнѣющемъ небѣ. Въ полѣ такая стала тишина. Гдѣ-то слышны были пѣсельники, да опосля и тѣхъ нечуть стало. Ну вотъ кончилъ я работу, да и домой пошелъ; прихожу—у хозяйки и ужинъ готовъ, и скатерть раскинута.

—Ну што? сказала баба, коли вошелъ я въ избу; все кончилъ?

—Все, слава Богу.

—И сноны поставилъ въ груды?

—Поставилъ.

—А ребенокъ гдѣ?

Тутъ меня будто кто обухомъ хватилъ по головѣ. Стою передъ бабой, выпуча на нее глаза, со всемъ оторопѣлъ. Догадалась она, что оставилъ я парня на полѣ; и давай ревѣть благимъ матомъ. Ужъ какъ-то она меня тогда и не вычестила. А я думаю, коли ужъ кругомъ виноватъ, такъ ругайся сколько душенъкъ угодно. Ну да сколько ни бранилась баба, сколько ни ругалась, да видитъ, что этимъ ничево не возмешь; накинула на себя балахонишко—да и въ поле. Прибѣгаешь къ перечнямъ, смотрѣть парня съ зыбкой—не тутъ-то было! Смотрѣть туда, сюда,—и видитъ: парень виситъ въ зыбкѣ на высокой, высокой березѣ, и мужикъ, страшенней, почитай выше йѣсу, стоитъ да и качаетъ парня, а самъ толстымъ, охриптымъ голосомъ убиваешь ево:

Лю, лю, лю, лю, лю!
Баюшки, баю!
Спи, мой голубчикъ,
Спи, да усни,
Упокой тебя возми!
Тебя, мой дружочки,
Оставила мать въ полѣ,
А отецъ позабылъ!

Моя баба такъ и обмерла отъ страха, и долго стояла на одномъ мѣстѣ, какъ полоумная; ужъ на силу то—на силу, опомнилась; а все еще не знаетъ какъ приступить ей къ чорту. Наконецъ, какъ-то, братецъ ты мой, подошла къ нему по ближе: «какой ты, добрый, говорить кумонекъ! водишься съ моимъ парнемъ... Поди, вѣдь ты усталъ, качаочь? отдай-ка мнѣ ево.»

—Ха, ха! заревѣлъ чертъ во все горло, да и зачастилъ: кумонекъ, кумонекъ!.. На, на, кумушка, возми своею сына!

И онъ снялъ съ березы зыбку съ парнемъ, да и поставилъ ее на землю, а самъ перешагнулъ рѣку и пошелъ по лѣсу, хлопая въ ладоши и приговаривая: «кумонекъ, кумонекъ!..» А баба моя схватила зыбку съ парнемъ—да и давай Богъ ноги. И что ты думаешь, кумъ Памфило? вѣдь этимъ еще не кончилось. Онъ, братецъ ты мой, за то, что ево баба моя посадила въ кумовья, долго по осени гонялъ ей коровъ домой; у насть и вѣры не былоходить за ними. У ково нѣть коровъ дома, а у насть ужъ всегда дома. Неоднока слыхали и видали сосѣди наши, какъ онъ большой, большой хворостиною машетъ сзади коровъ, да и кричитъ: «ксы, ксы кумины коровы домой!.. ксы пошелъ!»

—Такъ видишь ты, голубчикъ мой, сказалъ крестьянинъ, кончивъ разсказъ,—видишь, какія дѣлаются бываются! а ты еще говоришь, что чертей и лѣшихъ нѣть на свѣтѣ. Ну что ты послѣ этого скажешь?

Но мы дѣшли наконецъ до деревни, въ которой жилъ Памфиль, и разстались. Мнѣ оставалось еще верстъ около пяти, и я поспѣшилъ поскорѣе перейти это разстояніе, чтобы понежить уставшіе члены да душистомъ сѣнѣ, ожидавшемъ меня подъ родною кровлей.

Евгений Писаревъ.

II.

ЖИТЕЛИ ЯРЕНСКАГО УѢЗДА И ИХЪ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТЪ.

(Продолжение.)

Умственное состояніе жителей. Въ умственномъ отношеніи жители здѣшніе стоять не высоко; однакожъ, нельзя не признать въ нихъ здравомыслия и разсудительности въ сужденіяхъ о предметахъ, доступныхъ имъ понятіямъ. Они любятъ грамотность